

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: У тещи за спиной

Федор Владимирович Качалов, начальник слесарного участка одного из цехов крупного авиационного завода, не любил ездить на дачу.

Странно, правда? Люди его возраста и круга обожали рыться в земле, поливая и окучивая грядки все лето, едва выдавался свободный день, а Федор Владимирович всегда испытывал к «землепашеству» сознательное отвращение. Нахрен? Все равно же половину потом съесть не можем, раздаем соседям яблоки мешками, выбрасываем в помойку померзшую картошку весной и едва успеваем до нового урожая поджечь

огуречно-томатные маринады... Да и наработался Федор Владимирович на земле — на всю оставшуюся жизнь. Это городские недотепы испытывают какой-то трепет перед «сельхозромантикой», — а он, Федор Владимирович, наковырялся в грязи вдоволь, еще будучи подростком.

В колхозе, где суждено было родиться, всю жизнь пропахать землю — и умереть на старости лет, всеми брошенным и спившимся. Да только не

таков Федор Владимирович — сбежал из постылого «Светлого пути», сначала в армию, а потом и в город. В городе весело! Девоч много, работа интересная, не то что навоз вилами цеплять, — каждый день что-то новое. Федор Владимирович стал хорошим рабочим, потом — мастером, выучился, и стал начальствовать участком. И сейчас, спустя двадцать восемь лет, был вполне доволен собой — несмотря на

неурядицы, трудности, развал и вялое восстановление завода, смену начальства и курса, он ВЫСТОЯЛ. Обзавелся квартиркой, женился, когда надоело менять подружек — девушкам нравился крепкий здоровый деревенский парень, притом не дурак и не алкаш. Федор с молодости не пил водку и вино. Зачем?! Слишком много людей все это зелье стубило на его глазах. Поэтому семейное счастье Федора Владимировича сложилось хорошо, — с женой жил душа в душу, дочку вот подняли и учиться

отправили, дачку построили... Уф, будь она неладна, эта дачка!

Воля Федора Владимировича, эти деньги лучше было бы потратить на новую машину, — а ведь хотел новую, «Калину», и отложил сколько надо, — а нет, подавай Галине этот чертов домик, да еще и кирпичом облицовочным обложи... Пришлось довольствоваться «девяткой». Впрочем после «ветеранской» «четверки», на которой Федор Владимирович проездил аж девятнадцать лет, и «девятина» казалось верхом совершенства...

Но жену тянуло к земле перманентно и сильно, поэтому пришлось уступить. Федор демонстративно отстранился от ненавистных сельхозработ, и в отпуск все время проводил за рыбалкой, «тихой охотой» и лишь иногда помогал — не более чем поправить ограду, отремонтировать крышу и проводку...

Это Федора Владимировича не напрягало. Что его на самом деле доставало, так это... ТЕЩА! Старая карга не выпускала Федора из виду ни на минуту, отлично зная, как его это раздражает, и намеренно следила за каждым шагом. В принципе, Федор Владимирович имел достойный характер, чтобы послать старую стерву на три советских буквы, и неоднократно посылал, но помогало это слабо. Все паскуде было как с гуся вода.

Пока жена тоже была в отпуске, Федор еще мог временами отдохнуть на славу — с Галиной не

так скучно, можно и в баньку вместе сходить, и на рыбалку выбратся, да и честно говоря — в огороде что-нибудь за компанию поделать. Даже отвращение к землеройным работам и теще компенсировалось близостью любимого, своего человека, ну и конечно, здоровой еблей каждый божий день...

Да, именно «еблей». ЕБЛЕЙ! А что такого?! Это молодежь всякие там словечки придумывает, а у Федора Владимировича как в молодости закрепился единственный применяемый термин, так и остался по сей день. А что, опять же? Не «супружескими же обязанностями» ЭТО называть! Кровь у Федора была еще молодая, да и Галина была очень ничего — крепенькая, попка и титьки сдобные, и чего же время терять?

Поебаться Федор любил и умел.

Но после того, как у жены окончился отпуск и она стала появляться на их «островке» только по воскресеньям, дело пошло хуже. Очень скоро дача стала раздражать Федора еще сильнее обыкновенного, теща превратилась в сущего черта, которого так и тянуло тихонечко удавить, Федор стал часто раздражаться по мелочам и пристальнее обычного заглядывался сквозь доски ограды на соседок по дачным участкам, которые как на зло, частенько выходили на грядки в одних купальниках. Красивых женщин среди них было, откровенно скажем, не густо, однако к концу недели звереющему от безбавья Федору казалось, что от вида их туго натягивающих купальники задов у него могут лопнуть яйца.

Он отрывался в беззлобных сворах с тещей, но и с этим вскоре возникла заминка — на дачу заявила первокурсница-дочь, Дашка.

С хрена семнадцатилетней девке делать на даче в конце июня, Федор не мог понять даже при сильном напряжении извилин. Дочка его, он это отлично знал, вовсе не была ангелом и с парнями вовсю крутила еще лет с пятнадцати, так что сейчас, после учебы, самое время было активно отдыхать. К земле Дарью не тянуло примерно так же, как и отца — видимо, генетически, и обычно на дачу её можно было затащить только на пару дней — в баньке попарится, да клубники потрескать. А тут

Дашка вполне добровольно вызвалась прожить с бабушкой и отцом неделю-другую, причем как будто и с участием в «трудовом процессе». Что уж вовсе выглядело нереалкой. Работать, впрочем она и так и не собиралась, все читала какие-то свои книжки модных авторов, лазала по Интернету с карманного компьютера, эсэмэсилась и вела долгие беседы с бабкой, которая во внучке души не чаяла. В принципе, все это конечно было неплохо — свежий воздух, общение с бабушкой, все это для

девочки очень даже хорошо, однако Федору пришлось отбросить обычные ругачки с тещей (стеснялись оба в присутствии Даши), а они, как выяснилось, хоть тускло, а да и скрашивали слегка его скучную жизнь. Опять заиграло срамное, опять в голове замелькали идиотские планы соблазнения соседок...

Дочке до него было мало дела. Городская барышня, студентка, Дашка обращал на отца мало внимания, тайком полагая его совковым туповатым чурбаном, хотя и любила конечно, но как-то свысока. Федора это бесило, разумеется, — но тут у него хватало ума не начинать скандалов на почве вечных проблем отцов и детей. Сам такой был.

Так прошла неделя. Было очень жарко, да вдобавок Галина вообще не смогла приехать на выходные — в самый последний момент электричку отменили, и она опоздала, так что субботнюю баню Федор принял в одиночестве, мрачно напился крепкого чаю в предбаннике, с сигаретой на закуску, и уснул в половине одиннадцатого у себя в комнате, стараясь не думать

о грешном. А грешного хотелось. Мысленно Федор дал себе зарок в понедельник же вернуться в город, и при первой okazji затащить Галину в койку, да пару суток уже и не выпускать...

Утро выдалось свежее и приятное. Федор Владимирович органически не умел спать позже семи, — и не от того, что был «жаворонком» как нынче модно говорить, а просто жизнь приучила, перековала. В молодости он подрыхать ой как любил...

Проснувшись, он остро ощутил, что чай вчера был, пожалуй, крепковат, а сигарета — не лучшего качества. Во рту стояла натуральнейшая конюшня. Федор вылез из постели, потянулся, пару раз присел, и, почесывая волосатое брюшко, пошел через сени во двор, к умывальнику. Он старался не шуметь, чтобы не разбудить дочь, — теща-то уже тоже не спала, у стариков так уж... И был весьма удивлен, когда услышал из комнаты Дашки её голос. Девочка уже не спала, мало того, речь её не звучала заспанной. Он оживленно с кем-то беседовала, как он сначала подумал, по мобильнику... Федор мысленно подивился, и вышел во дверь, где быстро ополоснулся нагретой утренним солнышком водицей, почистил зубы и вполне довольный вернулся в дом. Хотелось покурить. Соображая, куда вчера вечером сунул сигареты, Федор Владимирович задержался в сенях, и услышал звонкий смех дочурки через дверь.

«И с кем это она так щебечет?» — спросонья озадаченно подумал он, машинально толкнув дверную ручку, приоткрывая дверь в дочкину спальню, и уже задним умом соображая, что, наверное, следовало бы постучать...

Дашка стояла у окна, облокотившись на подоконник, и оживленно общалась с кем-то в палисаднике. Сначала Федор не понял, а потом дошло — под окнами дочери стоял шезлонг, в котором любила сидеть в промежутках между трудовыми свершениями любезная теща. И услышав с улицы голос карги, он уже ничему не удивлялся — бабка читала Дашкин женский журнал, и комментировала содержание, по-стариковски категорично и от этого смешно. Дашка увлеченно объясняла ей смысл слов «фьюжн» и «гламур», и смеялась над сварливыми словами бабки.

Федор улыбнулся, и хотел было уже украдкой закрыть дверь, но не удержался, чтобы не окинуть взглядом стоящую на фоне большого окна Дашку. «Совсем взрослая-то уже девка», — умильно подумал он, машинально-оценивающе погладив взглядом крепкую круглую попку, сильные ножки с красивыми впадинками под коленками, крутые бедра и нежную талию, с чуть наметившимися складочками на боках. Дашка пошла и в мать, и в него — в него она высокая, ладная да сильная, а от Галины достались густые каштановые волосы, карие глаза с искринкой, румяные щечки с ямочками длиннющие реснички и пышная, третьего размера, тугая грудь. Наверное, когда Дашка ложиться, титьки у ней тоже не расползаются в блины, а гордо возвышаются, будто две горки с острыми коричневыми вершинками...

«Тфу ты!», — рассердился Федор сам на себя. Нашел о чем думать. Вот что безбабье с мужиком сделать может! Чтобы как-то сгладить мысленную вину от допущенного срама, он без колебаний подошел к девочке сзади и сугубо по отчески обнял её круглые мягкие плечики. Дочка в первую секунду от неожиданности дернулась. Но как только поняла, что это не кто-нибудь, а папка родной, успокоилась, и доверчиво прижалась к нему всем теплым телом, прикрытым только легонькой ночнушкой. Блаженно улыбаясь, Федор поцеловал дочку в макушку, вдохнув густой пряный запах её нагретых солнцем волос... Такие вот минуты нежности у отца и

дочери случались нечасто, так уж Федор был воспитан. Конечно он очень любил дочку, но уж как-то привык с детства, что с детьми сюсюкаться не принято... И не сюсюкался.

А вот, оказывается, как на самом деле это важно, чтобы дочка почувствовала ласку и нежность...

Так он простоял с минуту, прижав дочку к себе, дыша её запахом и слушая её беседу с тещей, которая и не подозревала о его присутствии. Это было даже интересно, — с внучкой теща держала себя совсем не так, как с ним. И ничего даже, вполне приятная пожилая женщина! Зачарованный такой метаморфозой, он заслушался, и из состояния блаженного утреннего ступора его вывела вновь неизвестно откуда возникшая мысль, — а ведь дочка-то стоит перед ним в классической для ебли позе. \"Раком\" стоит, если точнее...

И её крепенькие ягодички от его члена отделяет только тонкая ткань ночнушки, да его собственные семейки. Не успел он сам должным образом осознать суть этого открытия, как его член явственно стал твердеть. Первой реакцией было отпрянуть от дочкиного тела назад, чтобы она ничего не почувствовала, — но это столь грубо бы нарушило

ощущение спокойствия и душевного равновесия обоих, что он не рискнул. Хотя о его равновесии и душевном спокойствии уже очень скоро можно было только мечтать, — какая-то часть сознания, несмотря на все уговоры и угрозы, продолжала его настойчиво информировать, что у него в объятиях молодая зрелая девка, причем в позе наипервейшей готовности. Запах дочери показался вдруг возбуждающе-мускусным,

он почувствовал близость её тела каждой клеточкой своего, руки на мягких плечиках непроизвольно сжались сильнее. Он отстранился все-таки назад, не совсем, а настолько, чтобы окончательно набравший силу хуй не касался девочки.

Надо уже это... Уходить. И подрочить, что ли. В самом деле...

Но тут случилось нечто, что потрясло Федора Владимировича куда сильнее. Дашка, чувствуя, что он подался назад, не выпуская её плеч, вдруг двинула попкой к нему, разом уткнувшись в твердый передок... Федор затаил дыхание и замер. Но Даша не отстранилась, и ничего не сказала, а наоборот, подалась к нему еще раз, явственно потеревшись ложбинкой между ягодичками по его хищно оттопыривающему

труссы концу... Один раз, затем еще раз, уже как-то... требовательно.

Чувствовалась, что она удивлена, но ни чуть не боялась, и с любопытством ожидала его реакции.

Поскольку сразу её не последовало, — Федор Владимирович был слишком ошарашен, она изогнула поясницу уж вовсе по-кошачьи и потерлась о его естество уже явно-настойчиво. Такого Федор вытерпеть уже не смог, и машинально двинулся навстречу её широкому тутому крупу, дав дочке почувствовать всю переполняющую его силу...

Самое поразительное для Федора было то, что Дашка ни на секунду не прекращала размеренной беседы с тещей, — разве что слова её стали какими-то слегка рассеянными. Но голос не изменился, и когда она терлась попкой о твердый член отца, теща ни мало не заподозрила, что внученька занята чем-то, помимо разговора с ней!

Теперь они уже не прощупывали почву, а целенаправленно ласкали друг друга.

Дашка, высказывая теще свое мнение по поводу актера Ричарда Гира, поймала ладошкой правую руку отца, убрала её со своего плеча и переложила под бретельку ночнушки, на восхитительную нежность правой грудки с твердым сосцом. Признаться, осатаневший от

желания и потрясения Федор оказался не способен на изысканные ласки, и довольно таки грубо сжал нежно-упругую горячую сисечку мозолистой ладонью. Другую руку он совершенно автоматически запустил дочке под подол, задирая его, и скользнул ладонью по крепкому белому бедру, напряженным ягодицам, взьерошил клинышек волос на лобке, огладил животик, и остановился на второй груди, для чего Дашка понятливо приподнялась с подоконника.

Накрыв ладонями обе груди извивающейся в его объятиях дочки, ненасытно разминая их и теребя соски, при этом продолжая, уже входя в ритм, тереться о неё членом, Федор Владимирович не мог не понимать, чем все должно было закончиться.

Но в тот момент он только желал этого, не в силах думать ни о чем другом...

Дочка, поддерживая разговор с бабушкой, умудрялась сохранять спокойную интонацию, и даже задавала вопросы по делу (а бабка пространно отвечала, радуясь внимательному слушателю), но её желание было уже таково, что он на высоте полного роста ощущал её острый запах, а движения стали резкими и нетерпеливыми...

Наконец, он решился. На секунду отступил назад (девочка нетерпеливо покрутила попкой), стянул трусы, примерился, и крепче ухватив её груди, крепким, безжалостным рывком вошел в дочку, натягивая на себя её белое, податливое тело. Внутри Дашка оказалась горячей, влажной, но тесной, он отвык от такой узости и пожалуй, переборщил с силой внедрения, но сдержаться не смог. Дашка умудрилась сдержать стон, лишь

беззвучно откинув голову назад, уткнувшись пушистой головенкой ему в лицо... Он от избытка чувств чуть укусил её за шею, окончательно забывшись, и начал КРЫТЬ её мощными толчками, вдавливая в подоконник, так сильно, что едва не отрывал её босые пятки от линолеума... Дашка, впрочем, не отставала — девочка, оказывается, умела посмаковать еблю не хуже отца, и сильными волнообразными движениями тела подмахивала ему, ритмично и слаженно, будто накачивала себя его твердым, как камень, поршнем...

Сколько они тогда снашались, Федор не помнил. Что-то было нереальное в их бесстыжем, животном, но удивительно слаженным и синхронном совокуплении, — они двигались друг на встречу другу как танцующая пара, ощущали друг друга и растворялись в страсти, будто трахались вот так каждый день...

На счастье, теща как раз решила зачитать длинную статью про одежду от известного кутюрье, и Дашке какое-то время была дана свобода не отвечать на вопросы и не кидать ценных замечаний. В этот момент отцовский член так распирал её, так сотрясал все её тело, что разговаривать она не смогла бы по чисто физической причине...

Как они кончили, Федору надолго запомнилось. Он неожиданно почувствовал, что начинает спускаться, и Дашка, несмотря на весь запал, ощутила это тоже, по какому-то совсем уж дикому ритму, с которым он начал её ебать... Но когда он хотел выйти из неё и излиться снаружи, она решительно остановила его, впившись в его руки острыми ноготками. Даже когда он уже не мог активно работать, лишь рефлекторно двигал бедрами навстречу ей, она крепко сжимала его плечи, не давая

убрать руки с со своей груди, и бешено накачивала его, ритмично извиваясь всем телом...

Наконец, он взорвался, наполняя дочкину теплую глубину влагой, и почти сразу же обмякла и Дашка — её бедра резко дернулись, и замерли, она вновь, как в самом начале, откинула голову, раскрывая розовый ротик в бесшумном крике и жмуря глазки... Он ощущал спазмы её

узкого влагалища — такие знакомые, и такие забытые за много лет ощущения, и торжествовал от своей победы, ощущая восторг и триумф...

С две минуты она пролежала на его руке, краешком губ слюнявя большой палец, но тут бабушка как раз закончила чтение, и поинтересовалась, что же думает «студентка» о новой коллекции этого самого «дольче гобаны»...

Незаметно втянув воздух в легкие, Дашка начала почти не изменившимся голосом излагать, что собственно думает, а Федор Владимирович осторожно вышел из дочери и жарко поцеловал её в шею. Дочка, в промежутке между фразами, ловко изогнулась, и куснула его за ухо, оставив на щеке и шее влажный след от язычка...

... Федор снова вышел во двор, и почти ничего не соображая, подошел к умывальнику, вылив остатки воды на свою холку и вытерев член вчерашним грязным полотенцем, на котором следы семени разглядеть все равно было нельзя. Вздохнул, прокручивая в голове произошедшее.

... У него еще будет время поговорить с Дашкой.

... Он не позволит себе обидеть её, чем бы то ни было.

... Он не жалел о случившемся — слишком это было прекрасно.

Но чутьем человека, повидавшего многое, он ощущал, что жизнь его уже никогда не станет в точности такой, какой была до этого утра...

E-mail автора: vertov-hour@yandex.ru